

Я прекрасно вижу, что Пуле на меня обижен... Робер Пуле^[1], приговоренный к смерти... он больше не упоминает меня в своих статьях... а раньше я был великим... несравненным... теперь же случайное слово, да и то как-то вскользь. Я знаю, откуда это пошло, мы ведь поругались... он вконец достал меня своими разговорами!.. вы уверены, что ваши убеждения никогда не приведут вас к Богу!

– Бля, да точно нет!.. совершенно уверен! я разделяю взгляды Нинон де Ланкло^[2]! добрый Боженька – изобретение попов! я абсолютно антирелигиозен!.. это моя единственная вера!

– Что за авторитет эта ваша Нинон!.. и это все, Селин? гм! гм!

– Нет! нет, Пуле! это еще не все!

– Ах!.. я жду! мне очень интересно!

– Все религии «Иисусика» – будь то католические, протестантские или иудейские – один хрен! мне они все по фигу! распластался ли он на кресте, или его глотают в виде облаток – без разницы! тот же обман! бредни! жульничество!

– Ну и?

– Но и это еще не все! Попробуйте следить за мной, мой дорогой болван.

– Валяйте! Валяйте!

– Существует только одна религия: католическая она, протестантская или иудейская... все это филиалы лавочки «Иисусика»... как, они же грызутся, даже порой начинают мочить друг друга?.. пустяки!.. кровавые корриды – это так, для зевак! единственная подлинная великая работа, которую они выполняют в глубочайшем согласии... оболванивание и разрушение белой расы.

– Как это, Селин? о чем это вы?

– Смешать, сочетать браком, черт побери! со всеми таинствами! Аминь!

– Что-то я плохо вас понимаю, Селин...

– Да поймите вы, чертов смертник! кровь всех цветных рас является «доминирующей»... желтых, красных, фиолетовых... а кровь белых является «доминируемой»... всегда! дети от ваших замечательных смешанных браков будут желтыми, черными, красными, но только не белыми... белыми они уже не станут никогда!.. фокус-покус! вот вам ваши благословения!

– Но христианская цивилизация!

– Выдумки, Пуле! миф! мошенничество! обман!

– И все же! великое изобретение.

– Скрещивание пород! разрушение идет уже двадцать веков, Пуле! и ничего другого! для этого и выдуманно! изобретено! любое изобретение несет в самом себе с самого своего рождения и свой собственный конец, свою смерть!

– Так что же, церковь убивает, Селин?

– Именно! и вас вместе с собой! она только этим и занимается, эта ваша Церковь! в задницу ее!

– Вы слишком любите парадоксы! Селин! китайцы никогда не были расистами!.. и негры тоже!

– Бросьте вы эту туфту! стоит им заявиться сюда всего на какой-нибудь годик, как они тут всех опустят! шутка ли! белые исчезнут навсегда! как будто этой расы никогда и не существовало... «слабый оттенок на лице», и все! остаться должны только черные и желтые! а белого человека скрещивает сама его религия! религии! иудейская, католическая, протестантская... белый человек обречен! он уже не существует! так можно ли во что-нибудь верить?

– Не смешите меня, Селин...

Больше я Пуле никогда не видел... время от времени я читал его статьи... какие-то слабые намеки... и все... я слегка перегнул палку...

* * *

Дрррринг!.. звонит мсье журналист...

– Мэтр!.. Мэээтр! не будете ли вы так добры прочитать письмо, которое мы вам адресовали?

– Мсье!.. мсье! письма!.. все письма я уже с незапамятных времен отправляю в корзину!.. не читая!.. иначе, что бы со мной было!

– Мэтр, о дражайший мэтр! ваше мнение! всего два слова!

- Но, черт побери, у меня его нет!
- О, есть, мэээтр!
- О чем, черт бы вас побрал?
- О нашей молодой литературе!
- Об этом затхломе старье? ни хрена себе дела, да ее уже давно не существует! какое-то невнятное бормотание!
- Напишите это нам!.. очень... очень почи.... та.. та! емый! Мэтр!
- Не так быстро! вы могли бы все позаимствовать и у Брюнетьера^[3]! он уже все сказал!
- О, из ваших уст! из ваших! дражайший мэээтр!
- И вы больше не будете меня доставать? больше никогда не придете?
- Клянусь! клянусь! мэээтр!
- Он сказал, что всю литературу сожрут!
- И кто же, мэтр?
- Шарлатаны!
- Напишите нам об этом, мэтр! мэтр!
- Нет уж, дудки! я снова начну писать, только когда у меня опять вырастут зубы!
- А если мы все же к вам придем? мы очень дорожим вашим мнением...
- Не моим! Брюнетьера! мальчики! Брюнетьера!
- Ну окажите нам эту честь! мэтр! для нашей газеты! будьте так добры!
- Какой еще газеты?
- Как сделать так, чтобы они от меня отстали?

– «Надежда»!

– Никаких надежд больше нет, бедняжки!

– О, какая жалость, напишите нам про это! мэтр! мэтр, молодежь вас не знает!

– Ну, хорошо, ублюдки! пусть заходят, если уж так приспичило, только гуськом, на полусогнутых, и трепеща от почтения! и пусть попридержат свой поганый язык...

– Молодежь от вас отвернулась! мэээтр! вы недооцениваете Францию, ее замечательные ресурсы, Алжир, Академию, ее членов!

– К черту, я сказал! все! все это! такой страны больше нет, остались одни Распорядители!.. процессий и похорон... сотни языков, куда более мощных, чем наш, уже исчезли! вы хотели бы говорить на хеттском? или на арамейском?

– Ну, тогда тем более, дорогой мэтр, мы к вам придем! ваших слуг мы выгоним, ваших собак уьем, и выпустим вам кишки! вместе с вашими прогнившими отъехавшими мозгами! алло! алло! вы нас слышите? вы все поняли?

– Ну, е-мое! я обалдеваю! жестокое интервью! что ж, я готов! в клетку к диким зверям! римский коллоквиум! я отведу душу!

– О да! о, мэтр!

– Приходите! Приходите быстрее, дорогие ребятки! я задушу вас в объятиях! я вас оттрахаю!..

– Мгам! Мгам!

* * *

Здоровенный толстяк и тщедушный замо-рыш... вот и они!.. я запираю собак в загоне... что-бы эти двое не пошли потом всюду трепать, будто я натравил на них своих хищников... оба эти мо-лодых человека, толстый и тощий, все покрыты угревой сыпью, не слишком опрятные и холеные, с плохим запахом изо рта... вид упертый, можно даже сказать, угрюмый, из убежденных... неразго-ворчивые... да мне, собственно, все равно... я их сюда не звал, но они здесь... ну и что дальше?

– Вы из «Надежды»?

– Именно, Селин! нас и наших друзей уже дав-но интересовало и продолжает интересовать, действительно ли вы такой гнусный тип, как все говорят... мы пришли вас об этом спросить.

– И кто ваши друзья?

– А, ну прежде всего это гигант мысли Кусто!

– Дерьмецо еще то, особенно во всем, что каса-ется меня!.. и где же этот мудак теперь?

– В «Же сюи парту».

– Так, сотрудник Леска и «Propagandastaffel»^[4].

– Он написал, что немцы регулярно платили вам жалованье, он это так прямо без обиняков, черным по белому и написал в нашем «Ривароле»! а один «Ривароль» стоит десяти «Юманите»! запомните это! запомнили?.. что вы на это скажете, Селин?

– Не надо так напрягаться, мальчики! если бы я отвечал на все подобные бредни и ерунду в га-

зетенках и в журналах, весь остаток моей жизни ушел бы на это!.. а мне еще нужно закончить свою хронику и оплатить огромные долги!.. жалкие завистники и неудавшиеся депутаты, вроде Кусто, только и могут, что морочить головы таким молодкососам, как вы...

Забавно все же, доложу я вам... подобных упертых кретинов можно встретить и среди правых, и среди левых, и среди центристов... во все времена... один к одному!.. энергичные и злобные ублюдки... подонки, заговорщики из Гизов^[5], сторонники Шамбора^[6], Смелого^[7]!.. самого Дьявола! Этьена Марселя^[8] или Жуановиси^[9]... из года в год!.. и в будущем тоже! на фоне сисек и ляжек кинозвезд!

– Селин, мы спрашивали вас по телефону и спрашиваем еще раз: до чего вы способны дойти в своем эгоизме, подлости и трусости?

– О, я способен на многое, дорогие друзья!

– Да, но осторожнее, Селин, у вас остался последний шанс! мы пришли вас предупредить! присоединяйтесь к нам! иначе свершится правосудие! хватит! хватит уже метаний!

– Черт! а я-то думал, что дело уже в шляпе!

– О, пока еще нет!.. наше правосудие! должно все тщательно взвесить!

– Ну и что?

– Так вы еще не читали?.. конечно, вы же ничего не читаете!.. только, наверное, какие-нибудь пакости!

– Пощадите! пощадите! я хочу знать!

– Программа новой волны! в нашей «Надежде»... это послание верховного Ясновидящего! слушайте, несчастный, думайте и запоминайте! «в полном соответствии с ходом Истории, Франция и Германия скоро станут братскими странами»^[10].

– Ну, в таком случае, выметайтесь отсюда ко всем чертям! этого я слушать не стану! ублюдки! и чтобы я вас тут больше не видел! вот наглецы! я спускаю собак!

Я иду! те и так уже были готовы их растерзать... и вот я один!.. эти два жутика исчезли! как ветром сдуло...

* * *

Несмотря на то что я действовал стремительно, и мне потребовалось всего несколько минут, чтобы выставить этих шутников за дверь, на следующий день об этом происшествии трезвонили во всех редакциях и кафе. Подумать только, этот опустившийся гнусный тип поднимает голову, ага!.. и на что он замахивается!.. поносит нашего властителя дум последними словами! Ко всему прочему, он утверждает, что его ограбили!.. бросили в тюрьму и т.д.... и т.п.... а он, якобы, был искалечен на войне на 75 процентов из 100... и военной медалью награжден задолго до Петэна.

Черт! меня это все-таки слегка задевает!.. я все перерываю, перетряхиваю, и нахожу.. я проти-

вопоставлю им текст!.. это лучше, чем стихи!.. быстренько, пресс-конференция, я ее созываю... и зачитываю!.. текст Баржавеля^[11]...

«Для меня во всем двадцатом веке до сегодняшнего дня существует лишь один новатор – это Фердинанд. Скажу больше, единственный писатель. Я надеюсь, что это тебя не обидит. Настолько он выше нас всех. То, что его мучат и преследуют, нормально. Но это все же ужасно, потому что он живой человек, однако он настолько велик, что ты невольно рассматриваешь его как бы вне времени и обстоятельств, которые давят на него. Я убежден, что, чем более велик человек, тем больше он подставляет себя своим мучителям. Спокойствие – удел посредственностей, тех, кто не выделяется в толпе... Селин хотел бы вернуться в Париж или во Францию, и ты делаешь все, что можешь, чтобы ему помочь, но запомни: где бы он ни был, его будут преследовать. Его желание обрести покой в любом другом месте, а не там, где он находится – это лишь мечта. Он не найдет покоя нигде. Его будут травить до самой смерти, куда бы он ни отправился. И он это хорошо знает. Он ничего не может с этим поделать, мы тоже. Мы можем только при каждом удобном случае напоминать всем о его величии, однако, поступая так, мы навлекаем на него удесятенную ненависть мелких и посредственных кастратов, всех тех, кого начинает корезить от злобы и зависти,

как только их заставляют поднять голову и посмотреть на вершины. Имя им Легион».

Я ожидал хотя бы небольшого эффекта... куда там!.. напротив!

– Этот его Баржавель, о ля, ля! такая же гнусь, как и он сам!.. и его тоже в яму!

* * *

Опять дррринг!.. телефон... пожалуй, это уж слишком! Мольера так довели до смерти... Поклэн¹!.. Поклэн! его маленькая интермедия! Пожалуйста!.. это балет!.. Людовик XIV устраивает большой ужин! сегодня вечером!.. две тысячи приборов! вечером! Вот так Мольера и угробили... нужно было им ответить: да пошел он подальше!.. запихните его ему знаете куда, вашего Поклэна!.. тише, он ведь умер на сцене, выплевывая остатки легких, от малокровия и неудовлетворенности... я знаю, что меня ждет, я не Мольер, меня уморит голодом Бен Ахилл²...

Нет, я протестую, так дело не пойдет... дрринг!.. еще один звонок! Это «Фигаро»! как обычно! и очень кстати... обожаю некрологи... это мой конек! и как это богатым удастся так долго и счастливо жить!.. невероятно!.. в собственных замках, призванные Богом! 80... 90... 100 лет! а сколько благословений... их венчают... Большой Крест! и Гроб

¹ Настоящее имя Мольера – Жан-Батист Поклэн.

² Имеется в виду Гастон Галлимар.

Господень!.. а какие помпезные похороны... помазанники, помазанницы, Епископ, Префект, Воротины и сам Дьявол в своем тильбюри¹...

Так что с «Фигаро» я отдыхаю!..

Я ведь зря не подписываюсь... каждый день – пять колонок назидательных смертей... и обратите внимание, за несколько лет... ни одного грязного коллаборациониста, похороненного, как они... с почестями, благословениями... глухо!.. таких жмуриков зарывают в вонючей земле без святой воды и хора детишек... чудовища... Поклэн едва избежал подобной участи... а я... у меня уже все повычеркивали... соскребли с наших плит на Пер-Лашэз, папу, маму, меня...

В общем, «Фигаро» – это мое скубиду²!.. и не только некрологи! еще одна маленькая радость!.. вести из бывших колоний... недавние избиратели набрасываются, обезглавливают и зажаривают задержавшихся там белых... о, да у них и в мыслях нет ничего расистского и антигуманного! в сыром виде с солью!.. в Тимбукту нет свастик! коричневая чума навсегда поселилась в Германии!.. Адольф умер? давайте веселиться! со времен Бисмарка все канцлеры, выдающиеся, посредственные, молодые, старые, архи-старые, тронуты умом... такова уж особенность этой забавной страны! последний

---

¹ Легкий двухколесный экипаж.

² Скубиду – модное словечко конца 50-х из песенки Саши Дистеля.

у них там совсем гнилой, решил отправиться в крестовый поход^[12]! Европа охвачена гойскими погромами! десять миллионов убийств на каждом тротуаре!.. каждую ночь! антирасистских!.. я не доживу, так, может, вы увидите? Германия, она все еще видит сон безумца...

Дррррррринг! опять кто-то звонит!.. я что, чокнулся?.. глюки пошли!.. нет! нет! телефон!.. опять! но мне нечего сказать!.. да!..

– Алло! алло! нет, мсье, нам всем кранты! мы уже в космосе!

– В космосе?

– Да, все!.. дайте мне, прошу вас, закончить мою маленькую историю!

– А какое название, мсье? о, название?

– Для какой газеты?

– «Источник» про-коммуни-плуто-христианский!

– Браво!.. браво!

– А название?

– «Жмурки»¹!

– Для кино?

– Естественно!

– А со звездами как?

– Хоть жопой ешь!

– Развейте, развейте свою мысль, мэээтр!

– Как это можно? кинозвезды, звезды, небо! Дельфы производили богов, Рим поставлял од-

---

¹ «Жмурки» – именно так Селин хотел сначала назвать свой роман «Ригодон».

них святых, а мы, мсье, в наши чудесные времена выдаем по сто кинозвезд в неделю!.. каково?.. с большими сиськами, маленькими, средними... ладно, я подумаю!..» дринг! я вешаю трубку, все! еще звонок... я больше не отвечаю.

* * *

Вот и Рождество!.. я говорю себе: ну наконец-то от меня отстанут! только об этом и мечтают старые хрычи, если они еще не окончательно разваливаются... чтобы их оставили в покое... Да здравствует Рождество... не особенно веселое, вам больше некому делать подарки, и к вам не приходят с визитами... свобода! Да здравствует Рождество!.. вы сами тоже уже не получаете подарков! Да здравствует Рождество еще раз! не надо говорить спасибо! Да здравствует Рождество!

Е-мое! Звонят!.. один раз, два, и это не телефон... у решетки! в глубине сада, три раза... конечно, можно притвориться глухим, я же не слуга... гав! гав!.. все собаки начинают! это их любимое занятие... у меня их четыре, маленькая и три больших... они любят пошуметь!.. а этот придурок все звонит! может, нищий? черт! этого только не хватало! я уже достаточно всего наотдавал, меня достаточно обобрали, унесли все, спустили на Блошином рынке, и с молотка! я отдал херову кучу всего!.. за свою жизнь! э, неплохо бы, чтобы мне

кое-что вернули!.. некоторым-то ограбленным компенсируют, и немало! а мне – шиш!.. я из тех, что всегда должны!.. гав! упрямец у решетки позвонил уже по меньшей мере раз десять, он развлекает псов... дело плохо, Рождество!.. кроме того, я забыл вам сказать, дождь льет, как из ведра!.. он промокнет, этот хам... о, это его не смущает!.. он названивает, а ведь есть еще и соседи! а вдруг они тоже начнут лаять!.. их можно понять! сколько можно меня терпеть... десять лет!.. двадцать!.. черт! это серьезно! лучше мне туда сходить!.. спуститься к решетке и прогнать наглеца! быстро и решительно!.. я ничего не вижу... ан нет! кое-что... какой-то силуэт в темноте... сквозь пелену...

«А ну, отваливайте отсюда! хулиган! немедленно! хулиган! скотина!» лаю я! вместе с псами! гав!.. и рычу!.. р-рр! готов укусить!.. и нас четверых, можно точно сказать, слышно! р-рр! до самого Отей!.. хорошенькое Рождество! эхо над Сенной, представляете! чудная встреча Нового Года! но этот урод и не собирается уходить! вцепился в звонок и даже пытается со мной заговорить...

– Мсье Селин, я хочу вас видеть!

– Мсье, нельзя же ночью!.. ступайте! и больше не возвращайтесь! а то я спущу на вас собак!

Однако ублюдок упирается!

– Я писал вам двадцать раз! говорил о вас в статьях! дорогой писатель! но ни разу вы мне не ответили! и как я вас только не называл, Селин! сво-

лочью!.. продажным!.. порнографом!.. двойным агентом! тройным! ни разу вы мне не ответили!

– Я никогда ничего не читаю, туманный призрак! у меня нет ни малейшего желания, гав! р-рр!

– И все-таки, я до вас докричусь! мой вопль не заглушит лай ваших собак! я прошу у вас прощения! очень прошу! вы меня простите? пощадите меня! пощадите! в Рождество!

Он опускается на колени... и хлоп, прямо в кашу... гав! гав! этого-то я и опасался: скандал! ночь-то она ночь, а все ведь слышно!

– Я преподобный отец Таллуар из Ордена Святейшей Империи! я прошу у вас прощения! я специально для этого пришел... я страшно вас оскорбил! ну ради Рождества, Селин!

Он бьет себя в грудь, я слышу соседей... они уже всю возмущаются и орут! я не обращаю внимания.

– На арену, поп!.. ко львам, святоша, гав! р-рр!

Но он упорствует! да! сопротивляется... поднимается с колен... и набрасывается на меня!

– Самого тебя – на арену! самого! чертов извращенец!.. твое место там!

Он уходит по тропинке... хорошо бы он там споткнулся и раскроил себе череп! из-за этого попа, да еще под таким сволочным дождем... я наверняка подцепил себе какую-нибудь заразу! я уверен! не такой уж я и неженка, но результат мне известен... я никогда не выхожу по ночам, я знаю,

чем рискую... пусть еще кто-нибудь заговорит со мной о Рождестве, он или кто другой! в сутане или без!.. тоже мне, предводитель волхвов! скатертью дорога!.. мы ведь с ним, можно сказать, так друг друга и не увидели...

* * *

Я ложусь, Лили поднимается к себе на второй этаж... я привожу вам все эти нескромные детали, чтобы вы немного поняли мое положение... я на это надеюсь! я имею в виду этого навязчивого кюре!.. которого я выставил... конечно, он заслужил в сто раз худшее! в тысячу раз! будь он раввин, анабаптист, протестантский пастор, православный, я бы выпроводил его точно так же... все сторонники Иисусика для меня на одно лицо!.. их пустяковые размолвки и склоки меня не обманут, все они родом из Библии и сходятся в одном... что мы, белые – лишь материал для скрещивания, нас превращают в черных, желтых, потом в рабов, потом в солдафонов, а потом в груды трупов... да вы это и сами знаете... Библия ведь самая читаемая книга в мире... более скотская, расистская и садистская, чем двадцать веков арен, смесь Византии и Петью^[13]!.. там столько расизма, трусости, геноцида, избиений побежденных, что наши самые жуткие кукольные представления в сравнении с ней выглядят бледной тенью, жалкими байками для начальной школы... в сравнении с Би-

блией, что Расин, что Софокл кажутся полной туфтой... так, подслащенной водичкой, не более... вдумайтесь, стал бы я еще высовываться, если бы меня не обложили долгами... да я бы сидел себе спокойно, возраст, пенсия и твердые намерения! я бы хотел совершать небольшие прогулочки на костылях и в темных очках... чтобы никто меня не замечал... *немало мы повидали!*¹... черт! все ведь сказано!.. особенно моему сутенеру Бен Ахиллу, который публикует в день по двадцать романов... не считая его *Карманного Ревю*... и бюллетеня *Ваша Указка*... *ежемесячника страшилок для детишек и мафразматиков*... пожалуй, я уведомяу его об откaзе! таково мое намерение!..

Я ложусь и жду... недолго! меня начинает трясти вместе с койкой!.. приступ дрожи!.. второй!.. еще в полном сознании я успеваю сказать себе: готово!.. этот поганый грязный ублюдочный поп добился того, что я заболел!.. я предчувствовал это, когда его слушал!.. и не хотел идти туда!.. я предчувствовал, что у меня начнется приступ бреда!.. когда бредишь, время летит незаметно... но бред – дело деликатное, особенно в присутствии посторонних... вы можете пожалеть о своих словах... а поскольку речь идет о малярии, которая у меня вот уже сорок лет, с Камеруна, вы понимаете, что я не был удивлен... и этот случай под дождем с вы-

---

¹ Одна из начальных фраз романа Селина «Север».

мокшим до костей на северном ветру попиком, бредни которого я слушал, имел логическое продолжение!.. но это было еще не все!.. нет!.. нет!.. что-то виднеется в углу... у двери... я уверен, там кто-то сидит... я не буду зажигать свет... шевелиться... может, это просто из-за жара! тот ведь тоже твердил про Рождество... может, просто какая-то горячая идея... или же очередной наглец?.. все возможно!.. ведь звонил же этот поганый поп... может быть, он и вернулся?.. ни в чем нельзя быть уверенным... во всяком случае, там в углу кто-то был... но я туда не пойду... я дрожу и истекаю потом... кто там?.. что там?.. мне-то что!.. рассудок работает, заметьте... я всматриваюсь... так! уже лучше! там кто-то сидит, он зеленоватый... светится, как светлячок... я правильно сделал, что решил подождать... такие видения длятся недолго... теперь я почти его рассмотрел... это какой-то военный... он что, пришел со мной поговорить? так пусть говорит!.. я жду... а этот зеленоватый... не говорит и не шевелится... сидит себе...

– Ну, так что?.. что?

Спрашиваю я... я весь дрожу... о! он меня пугает!.. черт возьми, да это он!.. я его узнаю... узнаю! этот зеленоватый... весь переливающийся... кажется, это он...

– Водремер!

Зову я его... но он ничего не отвечает... зачем он здесь? тоже из-за Рождества?.. как и поп?.. он что,

пролез через решетку?.. сквозь решетку?.. а собаки не лаяли... странные шутки!.. этого Водремера я знал, когда он был врачом с четырьмя нашивками... где это было?.. надеюсь, вы понимаете, что в состоянии, как у меня, в жару, в поту, на трясущей койке, можно и запомнить... моя забывчивость простительна... да и он мне совсем не помогает... я повышаю голос... я стараюсь, заметьте...

– Водример!.. полу-прозрачный!.. я настаиваю!.. чего вы от меня хотите?.. вы это?.. да?.. или нет?.. что это за привидение?..

Он не двигается... я не вижу его лица... и тем не менее! это он... мы с ним вместе проводили консультации^[14]... он был главным врачом... в каждом бараке его осыпали бранью... все было проникнуто ненавистью... все беженцы жаловались, что им холодно, нечего есть, что их мучит жажда... весь персонал SNCASO поселили в бараках Адриана! рабочие, преподаватели, инженеры и санитары... это было ужасно!.. они считали, что во всем виноваты врачи, враги народа, реакционеры... будто мы все это подготовили, сволочи, пятая колонна, обжирившиеся в то время, когда бедные люди умирали от голода и эпидемий... даже своими так называемыми лекарствами мы, естественно, пытались их отравить... свидетельством тому было то, что попасть в сортир стало невозможно (трое детей даже утонули), отхожие места были настолько переполнены, что, из-за

колик и мочеиспусканий, все это напоминало коричневое наводнение, и виной всему были наши так называемые лекарства... общая диарея зато пила все... а чтобы никто не мог бежать, боши в Сен-Жан д'Анжели специально избрали такую тактику, так расставили все свои танки, заняли такие позиции, чтобы утопить нас в дерьме, чтобы мы все сдохли, не могли больше двигаться, захлебнулись собственными экскрементами...

Удалось ли кому-нибудь спастись? хотел бы я знать! но мы избежали общей участи, Лили, я и Бебер, благодаря нашей «скорой помощи»... нашей? не совсем! «скорая помощь» была из Сартрувиля, куда я ее и доставил... пробег, о котором никогда не говорят в анналах Истории... «Сена – Ля Рошель»!.. и с каким трудом!.. не только себя и Лили, но еще и бабульку с двумя младенцами! я мог бы бросить их на главной площади в Ля Рошели... вы скажете: выдумки! отнюдь!.. свидетельство тому – малышка, самая маленькая, я еще помню ее имя: Стефани!.. теперь она, должно быть, уже вышла замуж и мать семейства... а тогда ей был месяц, не больше... генерал, который там командовал, французский генерал, настаивал, чтобы мы отправились в Лондон, вместе с нашей колымагой, бабулькой и малышками, естественно, искушение было велико!.. моя судьба могла бы сложиться совсем иначе, каким героем я был бы сейчас! сколько было бы стел и улиц моего имени!